

ОТ ТОТАЛИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ: РЕФОРМЫ В РОССИИ И КИТАЕ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ. (к 30-летию начала реформ в КНР)

Михаил Самуилович ГАЛЬПЕРИН,
кандидат философских наук, Ком-
сомольский-на-Амуре государст-
венный технический университет

Реформа» — это исторический **процесс**, который предполагает постепенный мирный переход к более высокому качественному состоянию общества. Подобная трансформация имеет место в пределах относительно длительного времени, продолжительность которого диктуется деятельностью реформатора/реформаторов, также как и применяемыми ими методами. В пользу этого суждения может говорить определение, выдержанное в социокультурном аспекте: «...реформа — планируемые, организуемые и контролируемые Правящей элитой, Первым лицом политические, социальные, экономические, культурные изменения, охватывающие важнейшие параметры общества... направленные на повышение социальной энергии общества посредством модернизации...»¹

Вполне естественно, что варианты общественной трансформации отличаются друг от друга по своему характеру. Однако невозможно, на наш взгляд, полностью исключить вероятность перехода одного варианта в другой. Применение мирных методов преобразований («реформа»), или *vice versa*, связано с реальными условиями в пределах конкретного периода истории, равно как и с недостаточным эффектом от методов и средств, используемых прежде. При этом, однако, следует отметить, что важная роль в обоих случаях, особенно в их потенциально возможном переходе друг в друга, без сомнения, принадлежит субъектам, т.е. инициаторам и непосредственным исполнителям исторической практики.

Любая реформа, прежде всего ее **экономическая** составляющая, ставит целью внесение исторически обусловленных положительных и необратимых корректив в базовые отношения общества и на этой основе выработать перспективы последующего социально-исторического развития. При этом невозможно выделить только экономические, или социальные, или политические аспекты реформы как целостного феномена, поскольку все они, как представляется, находятся в органической и устойчивой взаимосвязи. Невозможно также предсказать аргюги и в деталях ход, характер и темпы преобразований, как и глубокие последствия, которые могли бы иметь место и для самого государства, и для мирового

сообщества в целом. Тем не менее кажется весьма возможным (если абстрагироваться на некоторое время от объективных условий, места и времени и т.д.) выделить по крайней мере четыре начальные посылки, которые могут до некоторой степени предопределить и влиять на ход событий, а в конечном счете способствовать успеху реформы. В принципе их можно рассматривать как комплекс объективных и взаимосвязанных факторов, слабость или недостаточный эффект одного из которых мог быть в значительной степени компенсирован влиянием других.

Рассмотрим эти стартовые предпосылки реформ в общих чертах. Во-первых, реалистичное и бескомпромиссное осмысление условий во всех сферах жизни общества на данный момент, при этом необходимо учесть специфические особенности и опыт (положительный и отрицательный) предыдущего развития, а также степень активности и настроений различных социальных групп. Кроме того, нельзя игнорировать национально-психологическую специфику и этнический менталитет, что имеет большое значение, особенно для многонационального государства. Также важным фактором является постоянное воздействие текущей международной ситуации.

Во-вторых, рациональная и научно обоснованная оценка ресурсов, имеющихся в наличии на данный момент, представляется в этой связи весьма своевременной. Это определение поэтапно, на общегосударственном и региональном уровнях **реальных сроков и приоритетных направлений**, которые должны реализовываться в данной реформе.

В-третьих, предварительный, по крайней мере, приблизительный просчет возможных последствий (как непосредственных, так и в обозримом будущем) для государства на этапе преобразований, а также для регионального и мирового сообщества в целом.

В-четвертых, доведение информации до сведения всех слоев общества, какой бы негативной по своему воздействию на общественное сознание она ни была. В этом контексте мы можем вспомнить такое уже неоднократно употреблявшееся понятие, как «**гласность**», но на сей раз это должна быть не «полугласность» периода правления Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева (субъективная и дозированная), а реальная, открытая. Независимо от того, какие решения принимает руководство, именно общество или т.н. «народ» — понятие, которое, как мы знаем, на протяжении не одного десятилетия утилитарно использовалось поколениями советско-российских политиков. Оно несло основное бремя в попытках преобразований и платило чрезвычайную дань за личностные амбиции и просчеты кабинетных стратегов при проведении какой-нибудь очередной конъюнктурной «перестройки».

Таким образом, обозначена стратегическая программа (**цель и методы**), т.е. реформа в обществе. Мы также определили, предположим, методы и средства ее реализации. Остается только выделить два последних элемента конструируемой модели, а именно «Объект» (например, страна или сфера деятельности) и «Субъект»/«Лидер», т.е. государственный

деятель, стоящий у власти, он же инициатор преобразований или реформатор. На наш взгляд, все эти три элемента схемы представляются тесно взаимосвязанными.

В связи с вводом второго элемента («Объект») мы сталкиваемся с необходимостью более близкого рассмотрения такого понятия, как «Система», которое широко распространено в отечественной и зарубежной литературе, освещающей различные особенности так называемого «социалистического образа жизни», равно как и других аспектов социальной модели советского типа. В общих чертах «Система» носит тоталитарный характер, т.е. представляет собой исключительно централизованное и строго иерархическое общество. Все его граждане подчиняются командно-административному аппарату и находятся под строгим идеологическим контролем. Кроме того, недостаток большинства демократических прав и свобод признается естественным атрибутом данного образа жизни.

Если рассматривать Систему применительно непосредственно к России, нужно, вероятно, признать тот факт, что в течение всей истории советского режима (более чем за 70 лет) это образование стало настолько мощным в рамках одной страны (да и в международном масштабе), что не может быть изменено в короткий период лишь только декретами правительства либо какими-то чисто административными мерами. Система является намного более монолитной и вместе с тем гибкой и самовоспроизводящейся структурой, нежели была сначала. Она уже **не способна** к выработке любых перемен в общественной жизни. Вот почему ее постоянное самоусовершенствование и последующее усиление становятся все более и более прямой альтернативой здоровому общественному развитию. Не случайно поэтому многие зарубежные исследователи ставят вопрос о том, реформируем ли социализм в принципе, и при положительном ответе, какой аспект реформ представляется первоочередным в этом процессе — **экономический** или **политический**. Так, известный экономист и экс-премьер Польши Лешек Бальцерович в своей работе «Социализм, капитализм, трансформация», анализируя предпосылки, характер и темпы преобразований, видит эту проблему следующим образом: «...Возможности изменения являются исключительно большими... Все... внутренние изменения в соответствующих странах появлялись из-за и в рамках роспуска советской Империи. Большинство постсоветских стран столкнулось с дополнительными проблемами перехода определения их территориальных так же, как социальных и культурных границ, а также строительства их институционального механизма.

Во всех других случаях радикального перехода имел место или фокус на политической системе, в то время как экономическая система оставалась в основном неизменной (как в классических и неоклассических переходах), или фокус на экономике, в то время как политический режим (обычно недемократичный) не был затронут... Требуется больше времени для того, чтобы приватизировать большую часть экономики, где господствует государство, чем организовать свободные выборы и, по крайней мере,

некоторые рудименты политических партий. Учитывая в значительной степени одновременные начала политических и экономических переходов, эта асимметрия в скорости производит исторически новую последовательность: массовая демократия (или, по крайней мере, политический плюрализм, то есть, некоторая степень легальной политической конкуренции) вначале, а рыночный капитализм позже... Эта последовательность подразумевает, что рыночно-ориентированные реформы, которые должны быть исключительно всесторонними из-за социалистического экономического наследия, должны быть введены при демократических или, по крайней мере, плюралистических, политических мерах. Большинство других ориентированных на рынок реформ было введено при недемократических режимах» (разрядка автора. — М.Г.)². Как видим, автор, анализируя приоритетность экономического и политического факторов в определении стратегии преобразований, все же не дает окончательного и однозначного ответа и оставляет вопрос открытым.

До некоторой степени с этой точкой зрения перекликается позиция Джека Беласяка, который в статье «Экономическая реформа против политической нормализации», касаясь взаимодействия двух аспектов, пишет во вводной части: «Очевидная напряженность существует между программой экономического оздоровления, основанной на децентрализации и политической программе «нормализации», нацеленной на консолидацию власти и гегемонию над обществом. Хотя теоретически возможно отделить экономику от политической власти в централизованно-плановой экономике, историческое свидетельство Польши и других социалистических государств демонстрирует неудачу в том, чтобы достигнуть экономической децентрализации при поддержании политической централизации»³. Он делает ряд весьма примечательных, на наш взгляд, замечаний: «Существуют *системные препятствия* к высвобождению экономического выбора от политического процесса. Это из-за «сплавленной воедино» природы систем Советского типа (где политическое и экономические царства являются тесно взаимосвязанными), характеризующихся однопартийным правлением и централизованным распределением ресурсов... *Партийно-государственная власть впрямь определена в пределах сохранения монополии принятия решения по политическим и экономическим проблемам. Точно по этой причине экономическая реформа становится проблемой не только управления (в экономике), но также и правления (в государственном устройстве)*. Эта проблема, в свою очередь, объясняет робость экспериментальной реформы в системах Советского типа»⁴ (разрядка автора. — М.Г.).

Именно поэтому реальная реформа как устойчивый положительный и необратимый процесс возможна только в посттоталитарном обществе, и необходимо только сделать его таковым. Из всего вышесказанного логически вытекает, что фундаментальным социально-экономическим изменениям должны предшествовать фундаментальные и комплексные (насколько возможно) изменения в политическом аспекте. Хотелось бы

подчеркнуть, что все изменения, которые должны быть, безусловно, ориентированы на лишение Системы ее экономической власти, предполагают быть только радикальными по своему характеру. Иначе все другие аспекты реформы не будут работать. Историческая практика в нашей стране в 1980—90-е гг. дала веские основания полагать, что любая попытка (даже косметическая) реформирования Системы, особенно, если она стала мощной и пустила корни во всех сферах общества вплоть до «теневых» (криминальных), т.е. той Системы, которую мы по существу наблюдали в СССР/России, является изначально обреченной на провал. Любая попытка преобразовать **тоталитаризм** в **демократию** посредством постепенных и мирных реформ представляется, по нашему мнению, достаточно относительной по времени и сомнительной по результату, который в обозримом будущем будет одним и тем же, а именно — это продолжение той же «деятельности» номенклатуры под новыми «вывесками» и лозунгами, но намного более активнее и изощреннее как вполне объективная реакция на угрозу потенциальных и недопустимых изменений.

Поэтому любая целенаправленная реформа, требующая системного подхода к Объекту, должна внутренне быть **«антисистемной»**, т.е. направлена, прежде всего, против источника или, скорее, производителя, как такового, аномалий в обществе. Но хотелось бы повторить: принципиально невозможно реформировать любую реакционную Систему, даже когда она уже исчерпала себя, — она может и должна методично и постоянно разрушаться. Эта истина была своевременной и полностью осознана вождем «мирового пролетариата» как раз в тот момент, когда он собирался сломать хребет российской самодержавию, в значительной степени ослабленному Первой мировой войной. В.И. Ленин разрушил прежние институты власти, несмотря на полноценность многих из них. Он бросил в тюрьму или выслал за границу и просто уничтожил тысячи специалистов, которые составляли интеллектуальную элиту России, и т.д. По сути дела, он сломал прежнюю Россию на долгое время, что доказывает еще раз, что он преследовал несколько иные цели. Но, так или иначе, он ухватил самую суть дела, потому что не боялся вооруженного переворота, как и возможной Гражданской войны.

Реализация этого критического и серьезного комплекса условий обусловливает важность третьего (в нашем понимании, ключевого) элемента в рассматриваемой схеме, т.е. «Субъекта» («Лидера»). При этом следует исходить из наличия реального конкретного государственного деятеля у власти, а не аморфной и абстрактной группы «товарищей/господ», объединяющих представителей различных идеологических течений. Кто бы это ни был — президент или диктатор, на наш взгляд, не имеет принципиального значения: дело не в названии. Когда мы говорим о лидере, то имеем в виду, прежде всего, что он обладает рядом определенных достоинств и пользуется доверием, по крайней мере, большинства общества. При всех своих личностных качествах (харизма) он также должен иметь глобальное, масштабное мышление и видеть

главные стратегические ориентиры, иначе говоря, обладать определенными характеристиками политического деятеля.

Во-первых, быть профессионалом, т.е. иметь конкретный опыт деятельности хотя бы в одном аспекте «большой политики», а не «кабинетным стратегом» с абстрактным мышлением.

Во-вторых, обладать значительными административными способностями и ресурсами, поскольку именно он собирает и объединяет команду единомышленников, компетентных, энергичных и, насколько это возможно, не связанных с негативным прошлым.

В-третьих, быть бескомпромиссным, твердым и последовательным политическим деятелем, т.е. не вслепую (или искренне) следовать любым «доброжелательным» советам со стороны, так же как и не находиться под влиянием легальной оппозиции, если таковая присутствует. Другими словами, Лидер должен быть последовательным и не уступать первоначально занятых позиций, иначе он очень быстро утратит авторитет среди своего окружения и доверие в обществе.

В-четвертых, рационально и критически использовать предыдущий опыт экономического, социального и политического развития страны.

Наконец, в-пятых, он не должен быть (по возможности) тесно связан с прежней Системой. Это предполагает, главным образом, отсутствие каких-либо устойчивых корпоративных контактов Лидера с прежней командно-административной номенклатурой (во всяком случае, открытых), чтобы иметь моральное основание для решительного и непримиримого отношения к негативному прошлому.

При отсутствии (или слабости) даже одного из этих вышеупомянутых моментов Лидер рискует оказаться несостоятельным, как и все его проекты. Они окажутся все теми же декоративными «псевдореформами», которые мы имели возможность наблюдать в СССР/России на протяжении последних пятнадцати лет XX в. Как известно, реформу мы всегда оцениваем по ее реальным результатам, прежде всего по факту реального улучшения благосостояния общества. Однако, как показывает практика, этот аспект жизни общества, как правило, всегда оставался на втором плане, уступая место разного рода пропагандистским кампаниям, столько же недолговечным, сколько и малопродуктивным в их социально-экономическом выражении.

Так, «перестройка», породившая немало надежд в обществе, не только не вывела страну из стагнации, но и стала в определенной степени отправной точкой в ускорившемся процессе социально-экономического спада, политической дестабилизации и духовного вакуума в обществе. Тем не менее, судя по высказываниям М.С. Горбачева, сделанным уже значительно позже, он продолжал выражать твердую уверенность в том, что действовал на благо общества, а его «перестройка» осуществлялась в нужном направлении. В небольшой статье «Наши разные пути», опубликованной в журнале «Ньюсуик» в марте 1997 г., он утверждал: «Имеется место много дебатов относительно метода, по которому проводились

реформы под моим руководством, и в Китае... Но не совсем правильно говорить, что, в то время как Дэн делал акцент на экономических изменениях, мы фокусировались на политических реформах (?! — М.Г.). Все-таки мы тоже начали с попытки экономических реформ. Но укоренившаяся и догматичная *номенклатура* стояла на пути любой такой попытки и срывала экономические изменения, которые мы предлагали в 1987 г.» (разрядка автора, курсив в тексте. — М.Г.)⁵. Как видим, даже в этом довольно спорном по сути утверждении экс-президента СССР относительно предложенных им реальных экономических изменений, он все же так или иначе вынужден признать приоритетность политических реформ по отношению к экономическим.

Наблюдая конъюнктурную конфронтацию различных партий и фракций в борьбе за власть на протяжении второй половины 80—90-х гг. XX в., можно с уверенностью утверждать, что большинство этого «нового поколения» политиков были абсолютно теми же представителями не уничтоженной полностью Системы, которая продолжала оказывать сопротивление. Для подтверждения этого тезиса уместно обратиться к одной примечательной точке зрения о ситуации в России во второй половине 1990-х гг.: «Последние исследования обнаружили, что 74 процента новой политической элиты и 61 процент новой бизнес-элиты происходят от старой советской номенклатуры. Таким образом, опасение Запада, что коммунисты восстановят старую номенклатурную систему, звучит впустую, потому что *старая номенклатура никогда не уходила*» (курсив в тексте. — М.Г.)⁶. Поэтому первичная задача Лидера и его окружения, как нам представляется, заключается в том, чтобы отстранить Систему в лице ее проводников от управления страной. При этом должен создаваться качественно новый и стабильный политический фундамент, т.е. реальные (не только на уровне официальных указов и распоряжений) новые правящие структуры, которые не были бы ни институционально, ни лично-стно связаны с предыдущей системой. Только после этого, на наш взгляд, можно вплотную приступить к реформам при прочих равных условиях. Иначе Система будет, конечно, оказывать жесткое сопротивление, стремясь тем самым выиграть время для «перегруппировки» и последующего наступления, о чем говорил и М.С. Горбачев. Причем, как мы уже знаем, степень сопротивления будет увеличиваться пропорционально увеличению ошибок и непоследовательности Лидера.

Каким образом это проявляется на практике?

В экономическом плане, как правило, выражается в тайном и явном саботировании основных мероприятий, направленных на стабилизацию и совершенствование хозяйственного механизма на всех уровнях, прежде всего на местном региональном звене хозяйственного аппарата. Характерным атрибутом противодействия «красных помещиков» и «красных директоров» является закономерное усиление коррупции во всех руководящих органах, что вкупе с саботажем работает на дискредитацию как самой идеи реформы, так и конкретных мероприятий последней. Убедительным

примером такого отношения «укоренившейся номенклатуры» могут служить свидетельства очевидцев «перестройки». Так, например, известный экономист и дипломат Андерс Аслунд вспоминает: «В последней советской администрации была устойчивая тенденция к большому неповиновению. По существу, каждый высокопоставленный бюрократ был сам себе диктатором, растворяя таким образом центральную государственную власть. Попытки Горбачева преобразовать Советский Союз сверху вниз были бесполезны, потому что слишком небольшая эффективная власть оставалась в центре. Весной 1986 г. Горбачев выпустил указ об аграрной реформе. Как иностранный дипломат, я пошел в Госагропром, чтобы узнать, что это означает. Однако мои вопросы были встречены ироническим смехом высокопоставленных чиновников от сельского хозяйства. Они открыто заявили, что ничто не изменится и что им совершенно безразличны указы, принимаемые Горбачевым»⁷.

Одной из причин такого отношения к указаниям Центра является то, что «политики, контролирующие экономическую жизнь, почти всегда заинтересованы в использовании бизнеса для достижения личных политических и экономических целей»⁸. В социальной и политической сферах это предполагает такие действия, как демарши, предпринимаемые легальной оппозицией (если таковая на данный момент оформилась либо находится на стадии оформления), блокирование законов и декретов правительства, дискредитация президента, его администрации и правительства через СМИ, разжигание межнациональных и межэтнических конфликтов, искусственное нагнетание социальной напряженности отношений как в центре, так и (особенно) в регионах. При этом в ход идет активное апеллирование к различным слоям населения («народу») с целью обеспечения широкой социальной базы для противодействия процессу реформ.

Одним словом, можно говорить о весьма разнообразном арсенале средств и методов воздействия на реформаторов — от «умеренных», т.е. парламентских методов до «левых», вплоть до экстремистских. В этом отношении накоплен богатый исторический опыт еще до 1917 г., а также ряд примеров недавнего прошлого, имевших место в течение нескольких последних десятилетий: недолгая и непоследовательная хрущевская «оттепель» в конце 50-х — начале 60-х гг., проходившая фактически под руководством и контролем партийно-государственной бюрократии, аморфная и абстрактная «перестройка» М.С. Горбачева в рамках советского правления и, наконец, бессвязные попытки реформ Б.Н. Ельцина, которые, в конце концов, увязли в кулуарах властных структур, так и не встретив поддержки в обществе. Однако в большинстве случаев мы могли наблюдать укрепление бюрократического аппарата Системы на всех уровнях, как и усиление изоционности его форм и методов. Здесь, кроме того, просматривается, как нам кажется, наличие устойчивой и объективной взаимосвязи между двумя последними элементами данной схемы, а именно «Лидер — Система». Взаимосвязь этих двух понятий, вероятно, можно

рассматривать как своего рода динамическую прямо пропорциональную зависимость: чем более устойчива, активна и реакционна Система, тем более решительным, последовательным и бескомпромиссным должен быть Лидер, т.е. степень значимости Лидера непосредственно зависит от состояния Системы, и она должна усиливаться пропорционально усилению негативного противодействия последней.

Совершенно очевидно, что исторический процесс, определяемый всей совокупностью объективных и субъективных факторов, не может рассматриваться упрощенно. Тем не менее без устранения институциональных и личностных препятствий невозможно рассчитывать даже на создание четырех стартовых условий, упомянутых выше. Сторонники Системы, облеченные реальной властью в центре и на местах, предпримут все меры, чтобы предотвратить или по крайней мере постараются максимально снизить эффект положительных мер. В свою очередь, это ведет к новым расходам и издержкам, к потере темпа преобразований, что, как мы наблюдали неоднократно на примере бывших социалистических стран Восточной Европы, сопровождается серьезными последствиями.

Исключение из правил составляет Китай. Мы можем видеть, что Китай в момент смерти Мао Цзэдуна находился в таких же условиях, которые наблюдались в бывшем СССР в начале 1990-х гг.: экономический застой, паралич властных структур (с механической точностью скопированные у «старшего брата») сопровождалась социальной напряженностью, падением жизненного уровня и т.д. Имелись все основания для справедливого признания китайских ученых, что страна была на грани катастрофы. Как отмечал президент АОН КНР Ли Теин, «...десять лет смуты «культурной революции» принесли тяжкие бедствия для КПК и всего китайского народа... «культурная революция» серьезно подорвала развитие производительных сил, в результате чего народное хозяйство страны оказалось на грани развала»⁹. Отсюда стартовые предпосылки обеих стран, даже на первый взгляд, кажутся в значительной степени идентичными. Несмотря на все это, реформа Китая (можно сказать без преувеличения) после предварительной теоретической (точнее теоретико-политической) проработки уверенно вступила в свою практическую фазу. По нашему мнению, в основе успешного начала и стабильного развития китайских реформ лежат те же факторы, которые легко укладываются в рассмотренную нами схему.

1. ЦЕЛИ И МЕТОДЫ

Прежде всего необходимо отметить реалистический и трезвый подход к оценке совокупного (позитивного и негативного) опыта исторического развития КНР с 1930-х гг. до настоящего времени. Руководство приняло во внимание такие важные аспекты, как национально-психологическая специфика китайцев, их определенный консерватизм и приверженность

традициям, а также состояние общественного сознания на тот период. Поэтому мы не наблюдали в Китае признаков эйфории или даже нигилистического ажиотажа в пользу немедленной смены исторических декораций (в виде огульного отрицания исторического прошлого, разного рода переименований, свержения памятников и т.д.), полного разрушения прежних общественных институтов и юридических структур. Таким образом, с самого начала КПК и правительство страны сделали все возможное для предотвращения раскола в обществе и разрыва связи поколений. Не менее важно и то, что руководство КНР со всей серьезностью отнеслось к вопросу определения реальных целей, этапов и приоритетных направлений реформирования общества, сделав объективную оценку доступных отечественных ресурсов и внешних источников. При этом оно просчитывало возможные внешнеполитические последствия изменений в китайском обществе как для самого Китая, так и для Азиатско-Тихоокеанского региона, что, естественно, имело определенное значение и для мирового сообщества.

Реформа получила практически полную поддержку населения, поскольку официальная информация о различных аспектах ее подготовки и проведения не скрывалась, а регулярно доводилась через государственные средства массовой информации до сведения всех слоев общества, разумеется, в разумных пределах, но при этом, как правило, выверенная и непротиворечивая. Нельзя не обратить внимания и на то, что при изучении иностранного опыта для выбора оптимальных средств и методов реализации последующей реформы ее разработчики стремились сохранить собственные культурно-исторические ценности и устоявшиеся идеологические ориентиры при всем их стремлении интегрироваться в мировое сообщество («социализм с китайской спецификой»)

2. «ОБЪЕКТ» («СИСТЕМА»)

Политическая система Китая в отличие от советской была серьезно ослаблена в результате экспериментов Председателя Мао (прежде всего «Великой пролетарской культурной революцией»), и значительная часть старого поколения «ортодоксов» в руководстве отошла от активной политической борьбы, частично из-за преклонного возраста, но главным образом в результате репрессий. Вследствие этого ключевые позиции и в государстве, и в руководстве КПК заняли «прагматики», многие из которых подверглись репрессиям в ходе «культурной революции». Успешный старт намеченных преобразований следует рассматривать как здоровую реакцию нового руководства на негативное прошлое, выразившуюся в стремлении уйти как можно дальше от этого (чем скорее, тем лучше). Вероятно, это послужило одной из достаточно веских причин в ряду прочих, которая в значительной степени повлияла, особенно на ранней стадии, на динамику и темпы комплексной реформы в КНР.

3. «СУБЪЕКТ» («ЛИДЕР»)

Именно ведущая роль Дэн Сяопина имела решающее значение при подготовке и на начальной стадии реформы. Не может быть никакого сомнения в том, что только политическая мудрость, предвидение и точный расчет оказались важным совокупным катализатором для всех последующих преобразований в Китае. Кроме того, поскольку Система была довольно ослаблена, этому Лидеру не пришлось прибегать к явным силовым методам в ходе своего возвышения. Однако, если бы потребовалось, он, вероятно, сделал бы это решительно и без колебаний.

В принципе Дэн Сяопин был таким же представителем Системы, как и его политические оппоненты в борьбе за власть. Но не следует забывать и о том, что эта Система в свое время принудительно неоднократно отторгала лидера, подвергая, как известно, травле его и семью. Таким образом, она сама заставила Дэн Сяопина освободиться от ненужных корпоративных связей и моральных обязательств по отношению к бывшей номенклатуре. Как бы там ни было, но любая попытка расколоть общество и повернуть вспять процесс позитивной его трансформации (о чем убедительно свидетельствовали события на площади Тяньаньмэнь в апреле 1989 г.) была изначально обречена на неудачу: Дэн Сяопин и его окружение не позволили сделать это. Интересна характеристика действий Дэн Сяопина, которую дал бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, вспоминая о своих встречах с китайским лидером и после подавления студенческих выступлений. Дэн откровенно заявил ему в одной из бесед в 1987 г., что он «реформатор в том, что касается экономической и технологической реформы, но консерватор в выступлении против политической нестабильности»¹⁰. Эта позиция полностью подтвердилась через два года: «Полагая, что на карту поставлена вся программа реформ, он остановил свой выбор... на экономике в сравнении с политикой»¹¹. Отметим при этом, что принятие жестких мер и принятие серьезного политического решения для сохранения стабильности в обществе.

Конечно, всегда могут иметь место какие-то ошибки или просчеты как на подготовительной стадии, так и в ходе любой реформы, в том числе и в Китае, которые заставляют вносить определенные коррективы. Поэтому и КПК, и правительство, опираясь на поддержку народа, предпринимают необходимые меры для поддержания стабильного поступательного развития общества. В самом начале реформаторских усилий Дэн Сяопина не было недостатка в предельно идеологически обоснованных пессимистических прогнозах в СССР относительно бесперспективности выбранного Китаем пути. «Попытка заменить идеалы «казарменного коммунизма», насаждавшиеся в период маоистской «культурной революции», идеалами «потребительства» и «четырёх модернизаций» терпит провал, так как страна не может удовлетворить даже самые элементарные потребности своего народа, а «четыре модернизации» в первоначальном своем виде потерпели фиаско еще до того, как начали осуществляться... План «четырёх модернизаций», который отстаивают Дэн

Сяопин и его сторонники, будет способствовать размытию социалистических элементов в китайском обществе и приближению его к закату»¹². Практика Китая убедительно доказала и продолжает доказывать обратное. Несмотря на подобные предсказания, китайская версия реформы оказалась намного более жизнеспособной, чем практика реформ в СССР/России в 1980—1990-е гг.

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Теория и методология: Словарь. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т.2. С. 400.

² Leszek Balcerowicz. *Socialism, Capitalism, Transformation*. Central European University Press, Budapest, London, New York, 1995. P. 146.

³ Jack Bielasiak. *Economic Reform Versus Political Normalization — Creditworthiness and Reform in Poland. Western and Polish Perspectives*. Ed. by Paul Marer, Wlodzimierz Siwinski, 1988. P. 103.

⁴ Ibid. P. 105

⁵ Our Different Paths. By Mikhail Gorbachev. *Newsweek*, March 3, 1997. P. 34.

⁶ Nicolai N. Petro — The Nationalization of Russian Politics: A Look at the December 1995 Elections and Beyond. *Miller Center Journal*, Volume/Spring 1996. P. 77.

⁷ Anders Eslund. *How Russia Became a Market Economy*. Washington, D.C. 1995. P. 90—91.

⁸ *Government in Transition*. By Andrei Shleifer. Development Discussion Paper No. 573 March 1997. Harvard Institute for International Development Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1997. P. 5.

⁹ Ли Теин. Теория и практика экономических реформ в КНР. 2-е доп. изд. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. С. 7.

¹⁰ The Philosopher and the Pragmatist. By Henry Kissinger. *Newsweek*, March 3, 1997. P. 46.

¹¹ Ibid. P. 47.

¹² Владимир О.Е., Ильин М.А. Эволюция политики и идеологии маоизма в 70-х — начале 80-х годов. М.: Междунар. отношения, 1980. С. 292.

SUMMARY: The given article is the brief theoretic–methodological analysis of the contents of reforms in Russia and China. Such the main initial concepts as “revolution” and “reform” are to be as methodological bases. Their definitions and their interrelation in the general strategy of transformations of society is also shown.

In the process, focus is directed on four initial premises which allow to predetermine a course of transformations, and, finally, promote success or a failure of reform. Their contents are the subject of consideration.

Further, the general methodological frame (or model) of a reform that includes three interconnected elements is designed: the purpose and methods (Reform), the subject (Leader), the object (System). It also supposes consideration of their contents, their role and interrelation in suggested model.

On the basis of the analysis carried out it is judged that fundamental, complex and radical changes in political aspect should precede fundamental social and economic changes. In this connection, one must emphasize an utopianism of any attempts to transform **totalitarianism** to **democracy** by means of gradual and peace reforms. In other words, any purposeful reform demanding the system approach to Object should be “**antisystemic**” in essence.

The trinomial model of reform strategy is being considered as applicable to the examples of transformations in Russia and China in 1980—1990s of 20th century.